

Отзыв

о диссертации И.М. Горбуновой «Грамматическая семантика атаяльского глагола в типологической перспективе», представленной на соискание ученой степени кандидата филологических наук по специальности 10.02.20 – Сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание

Диссертация И.М. Горбуновой представляет собой серьезное достижение сразу в трех областях лингвистического исследования — в исследовании атаяльского языка, в исследовании австронезийских языков и в исследовании типологии грамматических категорий. Это одна из очень немногих известных мне отечественных лингвистических работ последнего времени, которая оперирует столь широким материалом, собранным в ходе самостоятельного полевого исследования, проводимого за пределами Российской Федерации. Диссертация производит самое благоприятное впечатление внушительным охватом данных и разнообразием освещаемых проблем. Несомненно, мы имеем дело с работой, которая существенно расширяет наши представления об атаяльском языке и его месте в пространстве типологических возможностей.

Предмет исследования — **семантика грамматических категорий атаяльского языка с упором на видо-временную и модальную семантику**, которыми автор занимался в течение длительного времени, в том числе полевыми методами. Теоретические установки и описательные приемы работы в основном следуют функционально-типологической парадигме в том ее изводе, который утвердился в последние годы в России. Круг вопросов, которые ставятся во главу угла представителями этой парадигмы, включает непременное диахроническое измерение, когда понимание синхронной дистрибуции той или иной формы или граммемы признается невозможным в отрыве от ее диахронической эволюции. В рамках этого направления исследование атаяльской грамматической системы несомненно представляется интересным и важным.

Работа имеет трехчастную композицию.

Глава 1 «Очерк атаяльского морфосинтаксиса» содержит последовательное обсуждение нескольких основополагающих грамматических характеристик атаяльского языка, в значительной степени присущих австронезийским языкам в целом. Именная морфология обсуждается здесь в связи с «синтаксической категорией глагольного фокуса», составляющей типологическое своеобразие всей языковой семьи. (Заметим сразу, что автору была бы полезна весьма значительная синтаксическая литература, связанная с анализом близкого явления в тагальском языке.) Весьма значительная по объему часть главы 1 посвящена обсуждению глагольных категорий — таких, как вид, время, модальности и наклонения, а также полярность. Отдельный подраздел главы уделяется так называемым фразовым частицам: так автор называет весьма семантически разнородную группу показателей, которые размещаются на синтаксической периферии предикаций. Наконец, завершает главу краткое введение в синтаксис и семантику атаяльских полипредикативных конструкций.

Глава 2 «Типологически нетривиальные явления в зоне аспекта» начинается с обсуждения неудобного для аспектолога явления: одна и та же форма допускает два прочтения, которые, на первый взгляд, не образуют естественный класс. С одной стороны, такая форма способна описывать ситуации, которые в течении фокусного временного интервала находятся в стадии развертывания ('прогрессив'), с другой — результирующее состояние, возникающее после кульминации ситуации, обозначаемой предельным предикатом. Формы такого типа засвидетельствованы в языках, однако о параметрах типологического варьирования в этой области до сих пор известно мало, и в этом отношении атаяльские данные, обсуждаемые в работе, представляют очень значительный интерес, особенно с учетом того, что в атаяльском языке это явление тесно переплетается с выражением пространственного дейкса. Второй сюжет, освещаемый в главе 2, — перфектоподобные категории. Атаяльская система характеризуется значительной конкуренцией грамматических морфем в этой семантической зоне, которые имеют сильно пересекающуюся дистрибуцию. Обсудив эту дистрибуцию, в конце раздела автор предлагает «семантическую карту зоны перфекта в атаяльском языке». Частно-языковые семантические карты кажутся мне методологически неадекватным инструментом исследования, поскольку они сталкиваются с принципиальной невозможностью обосновать эмпирическую реальность выделяемых значений в выделяемом составе. Тем не менее, материал, изложенный в этом разделе, представляется весьма важным с точки зрения общей типологии перфекта и перфектоподобных категорий.

Глава 3 «Проблемы модальной зоны и полярности в атаяльском языке» также посвящена трем независимым, но взаимообусловленным проблемам: взаимодействию модальности и отрицания, контрафактивности и категории фазовой полярности. Раздел 3.1, посвященный взаимодействию отрицания и модальности, показался мне несколько менее удачным, чем другие. Это в большой степени связано с тем, что попытка описания семантических различий между «верхним» и «нижним» отрицанием опирается на недостаточный материал (всего одна минимальная пара), а ссылки на анализ отрицания в парадигме функциональной грамматики мало помогают делу. Огорчительно также то, что некоторая важная литература по предмету, по-видимому, ускользнула от внимания автора¹. С эмпирической точки зрения значительное интереснее два других раздела — об условных конструкциях и контрафактивности и о показателях фазовой полярности, единицах, семантика которых в первом приближении соответствует русским *еще* и *уже*.

В Заключении суммированы основные результаты исследования. Библиография включает 190 наименований. К диссертации прилагается богатый вспомогательный материал, выделенный в двенадцать приложений.

Оценивая работу в целом, я полагаю необходимым охарактеризовать ее как значительное достижение в области исследования грамматической семантики атаяльского языка на фоне типологических ожиданий, сформированных

---

¹ См., например, Iatridou, Sabine, and Hedde Zeijlstra. “Negation, Polarity, and Deontic Modals.” *Linguistic Inquiry* 44, no. 4: 529-568.

межъязыковыми исследованиями последнего времени. В диссертации собран и введен в научный оборот внушительный материал, который существенно обогащает наши представления об устройстве грамматической системы атаяльского языка и о типологически примечательных особенностях этой системы. Это определяет **научную новизну и актуальность** диссертации. В конечном итоге именно работы такого типа позволяют типологии накопить критический объем данных, позволяющих сформулировать надежные обобщения о параметрах межъязыкового варьирования и сфере выражения грамматических значений и определить универсальные ограничения на это варьирование.

Диссертация содержит большое количество наблюдений, которые, я убежден, помогут типологической лингвистике и дальше успешно двигаться в этом направлении. Знакомство с атаяльской системой не может оставить типолога равнодушным. На меня, в частности, большое впечатление произвела информация об организации атаяльского пространственного дейксиса. «В атаяльском языке, пишет И.М. Горбунова, — есть три локативных копулы, две из которых являются ближним и дальним дейктиками, а третью — за неимением лучшего термина — мы будем называть нейтральным дейктиком. Дейксис в атаяльском языке ориентирован одновременно на говорящего в момент речи и на первое лицо повествования. Ближний дейктик используется только в зоне обоих ориентиров: при совпадении положения говорящего и первого лица повествования, в отсутствие первого лица в повествовании или при нарративном сдвиге. Дальний дейктик используется за пределами обеих зон. Нейтральная локативная копула используется в случае, если положение в пространстве говорящего и первого лица повествования не совпадает, а объект локализуется в зоне одного из них.» Наблюдения и обобщения такого рода придают исследованию как **теоретическую значимость**, так и серьезную **практическую ценность** — как источник информации о языке, данные которого всегда были малодоступны научному сообществу.

Переходя к критической части отзыва, я хотел бы подчеркнуть, что сказанное ниже следует рассматривать в первую очередь как приглашение к дискуссии. Не останавливаясь на незначительных деталях, я бы хотел отметить некоторые основные, с моей точки зрения, пункты.

Один из них связан не столько с особенностями рецензируемой работы, сколько с общей тенденцией, сформировавшейся, к сожалению, в российской лингвистике. Фирменная черта наших работ по грамматической семантике последних лет — курс на отказ от различия компонентов ассерции, пресуппозиции и импликатуры. Исследователи редко задают себе вопрос о семантическом статусе того или другого элемента смысла, который они заметили в том или другом предложении. К сожалению, рецензируемая диссертация также не свободна от этой слабости. Вот лишь один пример.

Обсуждая частицу *la*, автор указывает, что «в сочетании со стативными предикатами (в том числе с прогрессивом и результативом) частица *la* маркирует релевантное состояние как результат некоторого предшествующего изменения». В подтверждение приводится пример (2.69) с интерпретацией ‘Теперь Саюн очень красивая’. Элемент ‘прежде Саюн была не (очень) красивая’

может теоретически возникать из всех трех источников: как часть ассерции, как пресуппозиция и как импликатура. Способы понять, что перед нами, хорошо известны. Например, импликатуру, в отличие от ассерции, можно отрицать, не вызывая логического противоречия. В нашем случае для этого достаточно создать контекст типа ‘Теперь Саюн красива, да и раньше она была такой же’. Известная свойство пресуппозиций — способность сохраняться под отрицанием и в вопросах. Однако в российских работах по грамматической семантике эти простые приемы задействуются почему-то исключительно редко. Не применяются они и в рецензируемой работе: за элементом ‘теперь, но не раньше’ признается без обсуждения статус ассерции, и на этом выводе строятся дальнейшие рассуждения.

Есть еще один методологический прием, который вызывает серьёзные сомнения. Автор использует его, когда идентифицирует интересующие его граммемы как перфект. «Исходя из того, что конструкция с *wa* покрывает все типичные контексты перфекта результата, — пишет И.М. Горбунова, — и выдерживает тест на отличие от результатива, в дальнейшем о данной конструкции мы будем говорить как о конструкции перфекта (или просто о перфекте)». Такая линия аргументации — «Если категория X возможна в характерных для перфекта контекстах, то это перфект» — весьма уязвима. Чтобы быть уверенными, что перед нами перфект, мы должны убедиться не только в том, что он возможен в перфектных контекстах, но также и в том, что его нет в контекстах, где перфекты не употребляются. Представим себе, что мы имеем дело с формой с максимально широкой дистрибуцией — скажем, с реализацией межъязыкового категориального типа (МКТ) PAST. Эта форма с неизбежностью окажется допустимой в контекстах характерных для PFCT, поскольку последние — собственное подмножество первых. Именно так происходит в огромном количестве языков, где нет грамматикализованного противопоставления перфекта и претерита. Если пользоваться методологией диссертации, любая частно-языковая манифестация PAST будет ошибочно опознана как PFCT. Какова гарантия, что ровно этого не произошло в случае с конструкцией с *wa*? Именно ввиду соображений такого рода идея Э. Даля состояла не в том, чтобы найти **какой-нибудь** МКТ, с дистрибуцией которого пересекается исследуемая частноязыковая категория, а в том, чтобы сравнить ее со **всеми** МКТ и выбрать наиболее точное соответствие. Однако сделать это в случае с атаяльскими глагольными формами невозможно: автор не собрал неперфектные предложения ТМАQ.

Еще одно соображение касается методологии семантического картирования. Обсуждая показатель *aki*, И.М. Горбунова отмечает (с. 118), что он «видимо, развил модальное значение возможности, минуя значение необходимости, поэтому наблюдаемые функции этого глагола на карте грамматикализации не образуют неразрывного поля».

Мне представляется, что этот результат настолько серьезен, что нуждается в серьезной теоретической рефлексии. Семантическое картирование как инструмент представления лингвистических обобщений имеет предсказательную силу в той степени, в которой оно ограничивает возможное межъязыковое

варьирование. Едва ли не единственный ограничивающий принцип — это принцип смежности («Если показатель кодирует значения ‘X’ и ‘Y’, он кодирует и все значения, расположенные между ними»). Без этого принципа грамматическом показателю разрешается выражать любые значения в любых комбинациях, количество предсказываемых семантической картой избыточных возможностей критически нарастает, и метод в целом теряет эмпирическую привлекательность. Принцип смежности, таким образом, весьма желательно сохранять в теоретической системе всеми силами. Именно поэтому обнаружение хотя бы в одном языке показателя с «несмежной» дистрибуцией — это крайне тревожный симптом. Требуется или объяснить, как, в нарушение принципа смежности, такая дистрибуция была приобретена, либо полностью пересмотреть карту, построенную на предшествующем материале. В диссертации, однако, не предлагается ни того, ни другого: автор ограничивается констатацией факта и переходит к следующему разделу.

Аргументация в отдельных разделах работы выглядит эмпирически неполной. Например, важный компонент анализа ТАМ-категорий — обсуждение «действительных глаголов» со значением ‘быть здесь’ и ‘быть там’. Автор предполагает, что «эта пара глаголов грамматикализовалась в показатель статива: в зависимости от акционального класса предиката, а для некоторых классов и от фокусной формы, вспомогательные глаголы *nih* / *tih* выполняют функцию маркеров прогрессива (дуратива) (2.29) или результатива (2.30)». Как представляется, чтобы этот анализ был полностью убедительным, в работе недостает некоторого материала. Во-первых, не описано, как в точности акциональный класс соотносится с интерпретацией показателя. Во-вторых, отсутствуют обобщения о том, каков вклад фокусной морфологии к конечное значение предикации. В-третьих, примеры типа (2.30) сами по себе не показывают, что мы имеем дело с результативной интерпретацией. Нужны дополнительные данные, из которых по меньшей мере следовало бы, что рассматриваемая форма описывает состояние, а не, допустим, вхождение в состояние, а если это действительно состояние — что это производное, а не исходное состояние. «Прогрессивно-результативная полисемия» описана для японского показателя *te iru*, и, возможно, обсуждение этого материала пригодилось бы автору при построении аргументации. Подчеркну: я не утверждаю, что предложенный анализ неверен. Я лишь хочу указать на то, что приводимые в тексте работы данные не свидетельствуют однозначно в его пользу.

Кроме того, во многих местах экспликация семантических различий проводится на наивном дотеоретическом уровне. Например, характеризуя различия двух форм из перфектной семантической зоны, автор указывает: «Конструкция с перфектом означает примерно ‘прежде чем я пришел домой, он (уже) написал два письма’, в то время как конструкция с результативом соответствует русскому ‘когда я пришел домой, два письма уже были написаны им’. Думается, излишне говорить, что из описаний такого рода трудно извлечь эксплицитное семантическое содержание.

В работе встречаются рассуждения, которые крайне трудно оценить без дополнительных прояснений и уточнений. Обсуждая понятия «внутреннего» и «внешнего» отрицания, автор пишет: «пример (3.10) с интерпретацией через внешнее отрицание оказывается совершенно нормален (в отличие от случаев, когда отрицание интерпретируется как внутреннее и высказывание представляется ложным за счет ложной пресуппозиции).

(3.10) Король Франции не лыс.

Действительно, при интерпретации через внешнее отрицание говорящий просто сообщает, что считает ложным высказывание (3.11), а это естественно (поскольку во Франции нет короля).

(3.11) Король Франции лыс.»

Большинство носителей известных языков оценивает как предложения типа (3.10), так и предложения (3.11) как лишенные истинностного значения. Чтобы объяснить эти суждения, в логико-философской литературе возникла теория определенных дескрипций, современные варианты которых анализируют оба предложения как содержащие нарушения пресуппозиции существования. Как с этим соотносится учение о внешнем и внутреннем отрицании, автор, к сожалению, не сообщает, а без этого представляется возможным понять ни общую идею этого учения, ни то, как в его обосновании задействованы примеры типа (3.10).

Некоторые термины и понятия вводятся в текст с пресуппозицией известности читателю, хотя в действительности такая пресуппозиция не удовлетворяется. На с. 96 внезапно возникает понятие подконтролера, однако что это такое, нигде не поясняется. Понятие квантованной ситуации также нигде не введено и не пояснено, даже посредством ссылки на литературу. Понятие квантованности, с которым мне приходилось встречаться в литературе, имеет мало общего с тем, которое, судя по словоупотреблению, использует автор: «ситуация не является квантованной – предикация может обозначать как одну, так и несколько однотипных ситуаций» (с. 69). Не менее неожиданно появление на с. 139 некого ямитива, с отличительными особенностями которого читатель, по мысли автора, должен быть знаком. Быстрый опрос десятка лингвистически образованных носителей русского языка, даже тех, кто следит за последними эволюциями номенклатуры универсального грамматического набора, показал их низкую знакомство с этим понятием.

Впрочем, как уже было отмечено, высказанные выше соображения имеют дискуссионный характер и ни в коей мере не умаляют высокой оценки достижений И.М. Горбуновой.

Подводя итоги, можно заключить, что диссертация И.М. Горбуновой имеет несомненную **общетеоретическую и типологическую значимость**, а также бесспорную **практическую ценность** как источник сведений о системе грамматических категорий атаяльского языка.

Автореферат и изданные автором работы с достаточной полнотой отражают содержание диссертации. Полагаю, что диссертационное исследование И.М. Горбуновой «Грамматическая семантика атаяльского глагола в типологической перспективе» представляет собой самостоятельное законченное

новизны, значительной теоретической ценностью и существенной практической значимостью. Оно соответствует всем требованиям ВАК, предъявляемым к кандидатским диссертациям, в том числе изложенным в пп. 9-10 «Положения о порядке присуждении ученых степеней», утвержденного постановлением правительства России от 24 сентября 2013 г. №842. И.М. Горбунова заслуживает присуждения ученой степени кандидата филологических наук по специальности по специальности 10.02.20 – Сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание.

Доктор филологических наук
заведующий кафедрой теоретической и
прикладной лингвистики
филологического факультета
МГУ имени М.В. Ломоносова
119991 Москва, Ленинские горы, 1, с. 51
Сл. тел. +7 495 9392601
Эл. почта tatevos@philol.msu.ru

С.Г. Татевосов

Подпись заверяю

Секретарь Невадова И.И.